

Туннель из костей

Автор:

Виктория Шваб

Туннель из костей

Виктория Шваб

Кэссиди Блейк #2

Кэссиди Блейк и ее лучший друг, призрак Джейкоб, оказались в Париже, где родители Кэссиди снимают очередной выпуск передачи о самых таинственных городах мира. Как прекрасно гулять, есть круассаны, любоваться Эйфелевой башней... Но мало кому известно, что под мостовыми французской столицы раскинулось огромное царство мертвых – знаменитые парижские катакомбы.

По темным туннелям бродит неупокоенный дух, его силы крепнут, и если Кэссиди не справится с ним, разбушевавшийся призрак начнет угрожать целому городу... После того, как Кэссиди чуть не утонула, она научилась приоткрывать завесу, отделяющую мир живых от мира мертвых. Ее лучший друг – призрак. В ее жизни все и так уже непросто, но станет гораздо сложнее, когда ее родители примут участие в телешоу о самых известных местах в мире, связанных со сверхъестественными явлениями.

Виктория Шваб

Туннель из костей

Моей семье – порой вы далеко, но всегда близко.

«Прошлое – очень настойчивый призрак, и является при каждом удобном случае».

Лора Миллер

Victoria Schwab

TUNNEL OF BONES

Text copyright © 2019 by Victoria Schwab

© Е. Мигунова, перевод на русский язык

©ООО «Издательство АСТ», 2020

Часть первая

Город света

Глава первая

По городу, дребезжа и погромыхивая, едет поезд.

За окнами мелькают тени – еле заметный намек на движение, – темные на темном. Я чувствую, как вздымается и опадает Вуаль, слышу стук призраков по обе стороны от нее.

– Хм, не нравится мне это, – замечает мой лучший друг Джейкоб, пряча руки в карманы.

– Трусилка, – шепчу я в ответ, как будто мне самой не страшно в присутствии множества духов.

На коленях у меня переноска, оттуда хмуро выглядывает Мрак. В зеленых глазищах горит огонек, кот явно жаждет мести за то, что его снова лишили свободы. Напротив – мама и папа с нашими чемоданами. Карта метро над их головами похожа на клубок разноцветных линий. Не план, а головоломка или лабиринт. Как-то раз я была с родителями в Нью-Йорке, и там мы каждый день ездили на метро, но я так и не научилась разбираться в этой путанице.

А ведь там все надписи были на английском.

Джейкоб сидит рядом со мной, привалившись к стене, а я опять смотрю в окно. В стекле мое отражение – растрепанные темные волосы, карие глаза, круглое лицо и старомодная фотокамера на шее, но рядом со мной, там, где должен быть Джейкоб, пусто.

Наверное, нужно объяснить: сам Джейкоб предпочитает называть себя «человеком с ограниченными телесными возможностями», но вообще-то он призрак. Его никто не видит, кроме меня. (И Лары, девочки, с которой мы недавно познакомились – но это только потому, что она такая же, как я. Мы обе пересекли границу между жизнью и смертью и вернулись обратно.) Вам, наверное, кажется странным, что мой лучший друг – привидение? Возможно, так и есть... Но в моей жизни это далеко не самое странное.

Меня зовут Кэссиди Блейк, и год назад я едва не утонула. Джейкоб спас мне жизнь, и с тех пор я могу пересекать Вуаль и попадать в странное место, где полно призраков. Моя задача вызволять оттуда неупокоенные души.

Джейкоб возмущенно фыркает:

– Это твоя задача по мнению Лары.

Забыла сказать: Джейкоб читает мои мысли. Видимо, это случается, когда мертвый выталкивает живого, который пересек границу смерти, обратно. Все немного запутывается...

Итак, мы с погибшим парнем-телепатом друзья не разлей вода. А если вам кажется, что странностей все еще маловато, то я добавлю. Единственная причина, по которой мы все сейчас едем в этом поезде, заключается в том, что

мои родители снимают реалити-шоу о городах, в которых больше всего призраков.

Понимаете?

То, что Джейкоб – призрак, уже начинает казаться нормальным.

– Пара-нормальным, – поправляет он меня, усмехнувшись.

Я закатываю глаза. Поезд тормозит, диктор объявляет следующую остановку:

– «Площадь Согласия».

– Это наша! – вскакивает мама.

Поезд подползает к перрону, мы выходим, пробираемся сквозь толпу. Папа забирает у меня переноску с Мраком (какое облегчение – наш кот намного тяжелее, чем кажется на первый взгляд!), и мы с вещами тащимся по лестнице вверх.

На улице я останавливаюсь, задохнувшись не от подъема, а от вида, который открылся перед нами. Мы стоим на краю громадной площади. Она круглая, и светлые каменные стены окружающих ее домов отражают свет вечернего солнца. Все кругом, ограды и фонарные столбы, фонтаны и балконы, горит золотом, а вдалеке, как стальное копье, возвышается Эйфелева башня.

Мама вскидывает руки, как будто хочет поймать и заключить в объятия весь город целиком.

– Добро пожаловать в Париж!

* * *

Вы, может быть, думаете, что город – он и есть город, и все города одинаковы.

Но вы ошибаетесь. Мы только что прибыли из шотландского города Эдинбурга, скопища массивных камней и узких улиц, такие места кажутся мрачными, будто вечно погруженными в тень.

А Париж?

Париж просторный, элегантный, светлый.

Теперь, когда мы поднялись наверх, призрачный стук поутих, а Вуаль – едва заметное серое мерцание, – легко касается моей кожи. Может быть, в Париже не так много привидений, как в Эдинбурге. Может быть...

Но, если бы так было, мы сюда не приехали бы.

Мои родители гоняются не за сказками. Они гоняются за историями о призраках.

– Сюда, – говорит папа, и мы сворачиваем на широкую улицу, которая называется Рю де Риволи. По одну сторону – дорожные магазины, по другую – деревья.

Вокруг люди, шикарно одетые, женщины на высоких каблуках. А вот двое подростков подпирают стенку: у парня к губе будто приклеилась сигарета, а девочка в шелковой блузке с бантом на воротнике как будто сошла со страницы модного журнала. Еще одна девушка в блестящих балетках вместе с парнем в полосатой рубашке поло выгуливает пуделя. Здесь даже собаки стильные и ухоженные.

Посмотрев на свою лиловую футболку, серые мешковатые штаны и разношенные кроссовки, я вдруг чувствую, что моя одежда не подходит для Парижа.

Джейкоб, тот всегда выглядит одинаково: светлые волосы взъерошены, футболка с супергероем мятая, темные джинсы протерлись на коленках, а кроссовки так исцарапаны, что я даже не могу сказать, какого они цвета.

Джейкоб пожимает плечами.

– Я такой, какой есть, – беспечно заявляет он.

Легко не обращать внимания на то, что другие думают о тебе, если эти другие тебя даже не видят.

Я поднимаю фотоаппарат и в глазок видоискателя смотрю на тротуары Парижа. Камера у меня старенькая, с черно-белой пленкой. Она, можно сказать, винтажная и была ценной еще до того, как вместе со мной едва не утонула в ледяной речке. Это случилось там, где я живу, на севере штата Нью-Йорк. А потом, в Шотландии, камера побывала в могиле, и линза объектива разбилась. Замечательная девушка из фотомагазина помогла мне и нашла другую линзу, вот на новом стекле прямо посередине есть мутное пятнышко – что-то вроде отпечатка пальца. Еще один дефект, в придачу к остальным.

Но одно свойство моей камеры и впрямь уникально. Я имею в виду то, как она работает за Вуалью. Ей удастся ухватить и передать частичку другой стороны. Конечно, она видит не так хорошо, как я, но определенно видит она больше, чем ей полагается. Тень мира теней.

Не успеваю я опустить камеру, как мой телефон подает признаки жизни.

Пришло сообщение от Лары.

С Ларой Чаудхари мы познакомились в Эдинбурге. Мы ровесницы, но я могу точно сказать: во всем, что касается охоты за призраками, она на много лет опережает меня. Это неслучайно. Каждое лето Лара проводит, общаясь с духом своего покойного дяди, который увлекается – увлекался – всякими паранормальными явлениями. Сам он не был промежуточником (так Лара называет таких, как мы с ней), но собрал огромную библиотеку, посвященную сверхъестественному, а еще у него было зловещее хобби.

Лара: Еще не попала в переделку?

Я: Что еще за переделка?

Лара: Кэссиди Блейк.

Я так и слышу раздражение в ее безупречно британской речи.

Я: Мы только приехали.

Я: Подожди немного.

Лара: Это не ответ.

Я поворачиваю телефон, изображаю дурашливую улыбку и делаю селфи – с поднятым большим пальцем, посреди людной улицы. Джейкоб тоже в кадре, но на фото его, конечно, не видно.

Я: Мы с Джейкобом шлем тебе привет.

– Ты шлешь привет, – хмыкает он, заглядывая через мое плечо. – Мне ей сказать нечего.

Лара как будто слышит его и моментально отвечает.

Лара: Скажи призраку, пусть отодвинется.

– Ну, вот мы и пришли, – мама кивает на гостиницу прямо перед нами. Убрав телефон, я поднимаю голову.

Вход выглядит нарядно – матовое стекло, ковер перед дверью, сверху козырек с названием: «ОТЕЛЬ “ВАЛЁР”». Швейцар в ливрее открывает дверь и придерживает ее, пока мы входим.

Есть места, которые прямо кричат о своих призраках, но этот отель к ним не относится. Мы проходим через большой сверкающий вестибюль – сплошной

мрамор и позолота. Кругом колонны, букеты в вазах, серебристая тележка для напитков уставлена фарфоровыми чашками. Здесь как в шикарном универмаге. И посреди этого великолепия наша компания – двое взрослых, девочка, кошка и призрак – выглядит совершенно неуместно.

– Bienvenue, – говорит женщина на стойке регистрации, переводя взгляд с нас на наш багаж и черного кота в переноске.

– Здравсьте! – бодро здоровается мама, и женщина продолжает по-английски.

– Добро пожаловать в отель «Валёр». Вы останавливались у нас раньше?

– Нет, – отвечает папа. – Мы вообще в первый раз в Париже.

– Вот как? – женщина выгибает темную бровь. – Какова цель вашего визита?

– Мы приехали по работе, – говорит папа, а мама в то же самое время говорит: – Мы снимаем телевизионное шоу.

Настроение женщины меняется, она недовольно поджимает губы.

– Ах да, – бросает она, – вы, должно быть... искатели привидений.

От того, как она это произносит, у меня начинает гореть лицо и в животе что-то ёкает.

Джейкоб рядом со мной с хрустом разминает пальцы.

– Я смотрю, мы встретились со скептиком.

Месяц назад он не мог даже надышать на стекло облачко пара. А сейчас озирается в поисках того, что можно разбить. Его внимание привлекает тележка с напитками. Я сверлю его предостерегающим взглядом и одними губами произношу: нет!

В голове эхом раздаётся голос Лары:

«Призракам не место в промежутке – и уж подавно нечего им делать по эту сторону. Чем дольше он здесь, тем сильнее становится».

– Мы исследуем паранормальные явления, – поправляет мама служащую.

Та морщит нос.

– Сомневаюсь, что вы найдете здесь что-то подобное, – говорит она, стуча по клавиатуре пальцами с идеальным маникюром. – Париж – центр искусства, культуры, истории.

– Ну, я вообще-то историк, так что... – вступает папа.

Но мама кладет ему руку на плечо, как будто хочет сказать: Не кипятись, дело того не стоит.

Женщина за стойкой протягивает наши ключи. И тут Джейкобу удается-таки толкнуть тележку, одна из чашек ползет к краю. Совершив бросок, достойный вратаря, я успеваю поймать ее.

– Плохой призрак! – шепчу я.

– Так неинтересно, – отвечает Джейкоб, и мы следом за родителями поднимаемся по лестнице.

* * *

В Шотландии люди говорили о привидениях так, будто рассказывали о своей чудаковатой тетушке или о непутевом соседском мальчишке. Как о чем-то странном, но бесспорно существующем. Эдинбург просто кишел призраками, снизу доверху, от подземелий до замка на горе. Даже в Лейнс-Энд, маленькой симпатичной гостинице, где мы жили, имелся свой постоянный призрак.

Но здесь, в отеле «Валёр», нет ни темных уголков, ни зловещих звуков.

Вот и дверь в наш номер открывается, даже не скрипнув.

Мы входим в большой номер с двумя спальнями и изящно обставленной гостиной между ними. Все здесь чистое и новое, с иголочки.

– Не могу понять, чем ты недовольна, – удивляется Джейкоб. – Ты что, хотела бы, чтобы и здесь было полно призраков?

– Нет, – я мотаю головой. – Просто... странно, что их нет.

Папа, видимо, это слышит, потому что тут же обращается ко мне.

– Ну, что думает Джейкоб о нашем новом жилище?

Я вздыхаю, закатив глаза.

Очень удобно, когда твой лучший друг – привидение. Он может бесплатно ходить с тобой в кино. Не нужно делиться с ним вкусным, а еще ты никогда не чувствуешь себя одинокой. Конечно, поскольку «лучший-друг-привидение» это человек, не обремененный телесностью, пришлось ввести для него кое-какие правила: не пугать меня нарочно; не входить в спальню или туалет, когда двери закрыты; не исчезать в разгар спора.

Но у всего этого есть и недостатки. Всегда чувствуешь себя неудобно, когда кто-то слышит, как ты «разговариваешь сама с собой». Но даже это не так неловко, как то, что папа считает Джейкоба моим воображаемым другом – будто мне, как маленькой, нужен подобный способ психологической адаптации.

– Джейкоб переживает из-за того, что он здесь единственное привидение.

– Нечего приписывать мне свои слова, – возмущается Джейкоб.

Я выпускаю из клетки Мрака, и он тут же забирается на спинку дивана, громко заявляя о том, что очень недоволен. Думаю, он возмущен, что мы столько времени держали его в неволе, но не исключено, что котик просто проголодался.

Мама насыпает ему в мисочку сухой корм, папа распаковывает вещи, а я бросаю свои в той спальне, что поменьше. Вернувшись, я вижу, что мама распахнула

окно и, опираясь на ажурную кованую решетку (в Париже такие почти на каждом окне), полной грудью вдыхает парижский воздух.

– Какой чудесный вечер, – говорит она, повернувшись ко мне. Солнце уже зашло, и небо в розовых, лиловых и оранжевых разводах. Париж раскинулся перед нами. Внизу на улице Риволи все еще много людей, и я вижу за деревьями огромное зеленое пятно.

– Там, – объясняет мама, – Тюильри. Это сад, по-французски – jardin.

За садом – большая река, которая, рассказывает мама, называется Сена, а за ней – дома из светлого камня, большие, величественные и очень красивые. Но чем больше я смотрю на Париж, тем больше недоумеваю.

– Мам, – говорю я. – А зачем мы сюда приехали? Мне кажется, в этом городе привидений нет.

Мама сияет.

– Не суди по внешнему виду, Кэссиди. Париж до краев полон историями о призраках. – Она кивает на сад. – Взять, к примеру, Тюильри и легенду о Жане Живодере.

– Не спрашивай! – восклицает Джейкоб, но я уже проглотила наживку.

– Кто это?

– Что ж... – И мама начинает рассказывать: – Лет пятьсот тому назад жила королева, звали ее Екатерина, а у нее был подручный по прозвищу Жан Живодер.

– Ох, – вздыхает Джейкоб, – добром это не кончится.

– Жан должен был уничтожить врагов Екатерины. Но время шло, и он узнал слишком много мрачных тайн королевы. Боясь, как бы он ей не изменил, Екатерина приказала убить его. С ним расправились прямо там, в Тюильри, а когда на другой день пришли забрать тело, оно исчезло, – мама взмахивает

рукой, будто показывая фокус. – Его так и не нашли, а с тех пор Жан не раз являлся разным королям и королевам. Встретить его для монархов Франции считается дурным предзнаменованием.

С этими словами она поворачивается к окну спиной и уходит в глубь комнаты.

Папа сидит на диване, перед ним на журнальном столике большой блокнот с записями. Мрак, демонстрируя почти кошачьи повадки, вскакивает на столик и трется мордочкой об угол блокнота.

На обложке крупно напечатано: «ОККУЛЬТУРОЛОГИ».

«Оккультирологи» – так называлась книга, которую написали мои родители. Тогда это еще была просто бумажно-чернильная ерунда, а не телевизионная передача. Самое интересное, что, когда родители решили писать про всякие паранормальные штуки, до того происшествия со мной было еще далеко. Я еще не свалилась на велосипеде с моста, не упала в ледяную реку, не (чуть было не) утонула, не познакомилась с Джейкобом, не получила способность проходить сквозь Вуаль и не узнала, что я – самый настоящий охотник за привидениями.

Джейкоб громко откашливается. Слова «охотник за привидениями» ему явно не нравятся.

Я бросаю на него взгляд. Гм... спасатель привидений?

Он иронично поднимает бровь.

– Скажи еще «всемогущий спаситель».

Восстановитель?

Джейкоб хмурится.

– Я не разваливаюсь на кусочки.

Специалист?

– Хм, уже лучше. Но не хватает стиля.

Неважно, – ехидно думаю я специально для него. Главное, что родители ни о чем не догадались. И сейчас ничего не подозревают. Но теперь они снимают шоу, а я езжу с ними, вижу новые места и знакомлюсь с новыми людьми – живыми и мертвыми.

Мама открывает блокнот и переходит ко второй закладке, где написано:

ОККУЛЬТУРОЛОГИ

ПЕРВАЯ СЕРИЯ

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: Париж, Франция

Чуть ниже – название серии:

ТУННель ИЗ КОСТЕЙ

– Отлично, – ехидно замечает Джейкоб, – звучит многообещающе.

– Посмотрим, что тут у нас, – мама переворачивает страницу. Я вижу карту города. Из центра по спирали расходятся цифры – номера от одного до двадцати.

– А это что? – спрашиваю я.

– Arrondissements, – отвечает папа. И объясняет, что замысловатое французское слово (произносится арондисман) означает округ, или, еще проще, район.

Сев рядом с мамой на диван, я смотрю, как она листает страницы с расписанием съемок.

- КАТАКОМБЫ
- ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ САД
- ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ
- МОСТ МАРИ
- СОБОР ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ...

Список все не кончается. Мне хочется выхватить блокнот и самой изучить каждый пункт маршрута, разработанного родителями, но я сдерживаюсь. Нет, лучше я послушаю, что они расскажут. Я хочу побывать в каждом из этих мест, хочу слушать их рассказы так же, как будут слушать телезрители.

– Ну конечно, – насмешливо усмехается Джейкоб, – зачем заранее готовиться к неприятностям? Некоторых хлебом не корми, им лишь бы с головой окунуться в неизведанное...

Дай угадаю, – думаю я, – ты, наверное, всегда сразу заглядывал на последнюю страницу книги, чтобы узнать, чем кончится дело.

– Вот и нет, – бурчит Джейкоб. Но потом добавляет: – Ну, если только книжка была страшная... или грустная... или я беспокоился из-за... Слушай, да какая разница?!

Я сдерживаю улыбку.

– Кэссиди, – начинает мама, – мы с папой поговорили...

Ой, нет. Последний раз, когда мама говорила голосом типа «у нас семейный совет», оказалось, что мои планы на лето рухнули. Даже не спросив меня, родители заменили их съемками своей передачи.

– Мы хотим, чтобы ты больше участвовала во всем, – подхватывает папа.

- Больше участвовала? Это как?

Перед тем, как мы отправились в путешествие, у нас уже была долгая беседа о том, что я в кадре появляться не буду. Меня это вполне устраивало. Я всегда увереннее чувствую себя по другую сторону объектива – когда снимаю сама.

- Фотографии, – отвечает мама. – Для шоу.

- Речь о том, что происходит на съемках, как бы за кулисами, – говорит папа. – Это могло бы стать бонусом, дополнением к основным передачам. Такие снимки очень нужны для нашей страницы в соцсетях, вот мы и подумали: было бы здорово, чтобы ты этим занялась.

- И не совала нос в опасные места, – комментирует Джейкоб, сидя на спинке дивана.

Может, он и прав. Наверное, это просто хитрость – занять меня делом, лишь бы я не болталась неизвестно где и не позволяла могущественным призракам похищать свою жизненную нить, и не получала обвинений в мелком хулиганстве и осквернении кладбищ.

Но мне все равно приятно.

- С удовольствием, – и я с гордостью прижимаю к груди свою камеру.

- Замечательно, – папа встает и потягивается. – Съемки начнутся только завтра. Не хотите выйти на свежий воздух? Может, прогуляемся до Тюильри?

- Отлично, – с энтузиазмом отвечает мама. – Может, нам покажется сам старина Жан.

Глава вторая

Сказать, что Тюильри – сад, все равно, что назвать Хогвартс «школой».

Вроде бы правильно, но совсем не отражает сути.

Мы входим в парк в то время, когда сумерки стремительно сменяются ночью. По сторонам широкой, как улица, песчаной аллеи тянутся ряды деревьев. Их раскидистые кроны смыкаются над нашими головами, скрывая последние лучи заката. Отсюда видны и другие аллеи вокруг широких зеленых газонов, на которых растут розы.

Мне кажется, будто я попала в сказку про Алису в Стране чудес.

Я всегда немного побаивалась этой книги, и в этом саду мне тоже не по себе. Может, это потому, что ночью все кажется страшнее, чем днем. Недаром люди боятся темноты. То, чего не можешь увидеть, всегда страшнее того, что видишь. Глаза обманывают нас – в тенях как будто кто-то прячется, темные пятна кажутся чьими-то фигурами. Однако ночная тьма – не единственное, из-за чего сад выглядит таким жутким.

С каждым шагом Вуаль становится плотнее, а шепот призраков громче.

Вероятно, в Париже и правда больше призраков, чем мне показалось.

Мама берет папу под руку.

– Какое великолепное место, – задумчиво говорит она, положив голову ему на плечо.

– У Тюильри богатая история, – начинает папа профессорским тоном. – Этот сад был разбит в шестнадцатом веке рядом с королевским дворцом и служил для прогулок...

В дальнем конце сада, за огромной розовой клумбой, которой позавидовала бы сама Червонная Королева, перед нами возникает самый большой дом, какой я только видела в жизни. В ширину он занимает столько же, сколько весь этот *jardin*, и похож на гигантскую подкову, которая с двух сторон обхватывает парк гигантскими каменными объятиями.

– Что это? – пораженно спрашиваю я.

– Видимо, это дворец, – объясняет папа. – Точнее, его поздняя копия. Оригинал сожжен бунтовщиками в 1871 году.

Когда мы подходим ближе, я замечаю во внутреннем дворе дворца что-то необычное – светящуюся стеклянную пирамиду. Папа объясняет, что теперь во дворце находится музей, который называется Лувр.

Я в недоумении смотрю на пирамиду.

– Эта штука слишком мала, музей в ней не поместится.

Папа хохочет.

– Музей под ней, – объясняет он. – И вокруг нее. Пирамида – это только вход.

– Напоминание, – поучительно говорит мама, – о том, что вещи могут быть куда больше, чем кажутся на первый взгляд...

Ее прерывает чей-то крик.

Это так неожиданно, что мы с Джейкобом подскакиваем. Крик доносится издали, на миг мне кажется, что из-за Вуали. Но я тут же соображаю, что это вопль от радости. Пройдя по другой аллее, мы оказываемся на ярмарке. Здесь и колесо обозрения, и небольшие американские горки, и павильоны с аттракционами, и киоски с едой.

При виде всего этого у меня радостно подпрыгивает сердце, и я начинаю пробираться к пестрым аттракционам, но тут порыв ветра приносит запах сладкой сдобы. Я сворачиваю в ту сторону. Ищу, откуда летит этот неземной аромат, и вижу киоск с надписью «CR?PES».

– Что за кри-ипс? – пытаюсь я прочитать слово.

Папа фыркает.

– Произносится «креп», – объясняет он. – Это тонкие блинчики с начинкой: внутри масло и сахар или шоколад, или фрукты.

- Интересно, - говорю я.

- Просто фантастика, - подхватывает Джейкоб.

Мама достает несколько белых и желтых монеток.

- Глупо быть во Франции и не попробовать, - замечает она, и мы встаем в конец очереди. Когда мы подходим ближе к прилавку, я вижу, как человек тонким слоем размазывает жидкое тесто по широкой сковороде.

Он спрашивает что-то по-французски, глядя на меня, и ждет ответа.

- Chocolat, - отвечает папа. Чтобы это понять, не обязательно знать французский.

Человек стряхивает нежный блинчик со сковороды, поливает жидким шоколадом из половника, сворачивает эту красоту пополам, потом в четыре раза и укладывает в бумажный фунтик.

Папа расплачивается, и мама берет блинчик. Мы идем к белым столикам, которые стоят вдоль аллеи, залитой праздничными огнями, и садимся.

- Ну вот, - мама торжественно вручает мне блинчик. - Знакомься.

Я откусываю кусочек. Рот наполняется горячим сладким тестом и вкуснейшим шоколадным соусом. Так просто - и удивительно вкусно! Мы сидим, передавая блинчик друг другу - папа откусывает огромные куски, мама вытирает с носа шоколадную кляксу, а Джейкоб, широко открыв синие глаза, смотрит на колесо обозрения - и я чуть не забываю, зачем мы здесь. Фотографирую родителей на фоне ярмарки и представляю, что мы просто приехали сюда на каникулы.

Но тут же слышу за спиной постукивание, ощущаю, как давит на плечи Вуаль, и мое внимание привлекает самая темная, неосвещенная часть парка. Она тянет меня, зовет. Раньше я думала, что на ту сторону Вуали меня тянет обычное любопытство, но это не так. Теперь я знаю - это кое-что другое.

Предназначение.

Джейкоб переводит взгляд на меня.

- Нет, - говорит он, хотя я уже на ногах.

- Все в порядке? - спрашивает мама.

- Ага, - отвечаю я. - Мне в туалет нужно.

- Нет, не нужно, - шипит Джейкоб.

- Я видела, он сразу за киосками с едой, - показывает мама.

- Кэссиди, - умоляюще скулит Джейкоб.

- Я скоро, - говорю я родителям.

Папа кричит мне в спину, чтобы я не заблудилась.

- Не заблужусь! - кричу я в ответ.

Папа провожает меня строгим взглядом. Я все еще не до конца завоевала их с мамой доверие после той истории, - когда я никак не могла выбраться из-за Вуали и ради того, чтобы вернуть себе жизнь, вынуждена была сражаться с призраком, спрятавшись в открытой могиле. По версии родителей, я тогда убежала без разрешения, и через несколько часов меня нашли на кладбище, где я учинила разгром.

Что в лоб, что по лбу.

Я торопливо пробегаю мимо киосков и сворачиваю с основной аллеи направо.

- Куда мы идем? - опасно спрашивает Джейкоб.

- Хочу проверить, не бродит ли здесь Жан Живодер.

- Шутишь?

Но я не шучу. Сую руку в задний карман, проверяю, на месте ли мой медальон-зеркальце. Это прощальный подарок от единственной знакомой мне «промежуточницы».

Лара долго ругалась бы, узнав, что я таскаю зеркало в кармане, а не ношу на шее. Она говорит, что люди вроде нас не только охотники, мы – как магниты для духов и привидений. Зеркала действуют на всех призраков, и на Джейкоба тоже, поэтому я и не ношу медальон на шее. Хотя Лара, наверное, считает, что поэтому мне следует его носить.

Следует признать, Джейкоба она недолюбливает. Не одобряет.

- Лара вообще ничего не одобряет, – язвительно замечает Джейкоб.

Они не ладят. Или, скажем так, расходятся во мнениях.

- По ее мнению, – рычит он, – мне здесь не место.

- Ну, на самом деле и правда не место, разве нет? – шепчу я, наматывая на руку цепочку медальона. – А теперь пойдём искать Жана.

Джейкоб мрачнеет, даже воздух вокруг него идет рябью от его недовольствия.

- Такой был хороший вечер...

- Брось, – я сжимаю зеркальце в кулаке. – Неужели тебе не интересно?

- Вообще-то, нет, – Джейкоб упрямо складывает руки на груди. – Совсем не интересно. Я бы с радостью никогда этого не...

Но я больше не слушаю.

Я протягиваю к Вуали руку, отвожу ее в сторону и делаю шаг вперед.

Мир вокруг меня...

...исчезает.

Ярмарочные огни, люди, звуки и запахи летней ночи... Все исчезает без следа. Я падаю. Погружаюсь в ледяную воду, легкие обжигает холодом. И вот я уже снова стою на ногах.

К переходу я так и не привыкла.

И не уверена, что смогу привыкнуть.

Выпрямляюсь, делаю судорожный вдох, а мир тем временем снова появляется вокруг, странный и тусклый.

Я за Вуалью.

В промежутке.

Здесь тихо и темно, уже совсем ночь. Ни ярмарки, ни веселой толпы. Клочья тумана тянутся над травой. Темень такая, что я почти ничего не вижу.

Секундой позже рядом появляется Джейкоб, он по-прежнему недоволен.

– Мог бы не приходить, – говорю я.

Он водит ногой по траве.

– Вот еще.

Я улыбаюсь. Двадцать первое правило дружбы: друг не бросает друга по ту сторону Вуали.

Джейкоб здесь выглядит по-другому – полнокровный, яркий, и я больше не вижу сквозь него. Зато я, наоборот, становлюсь серой и не такой плотной, как была. Мои краски поблекли, выцвели. Только одно бросается в глаза: ленточка света

ярко сияет в моей груди.

Это не просто ленточка, это жизнь.

Моя жизнь.

Она светит ровным голубовато-белым светом, а если бы я сунула руку в грудь и вытащила ее, словно наглядное пособие на уроке, вы бы увидели, что она с изъяном. Там, где ее разрывали пополам, остался маленький шов. Я сложила половинки вместе, и пока вроде бы все работает нормально, но у меня нет никакого желания проверить свою жизненную нить на прочность.

- Ну ладно, - Джейкоб вытягивает шею, - по-моему, здесь никого нет. Давай вернемся.

Я и сама нервничаю не меньше, но не уступаю. Здесь кто-то есть. Должен быть. И может быть, не один. Так уж устроена Вуаль: она возникает, только когда рядом есть призрак. Это что-то вроде занавеса, отделяющего живых от сцены, на которой привидения снова и снова проигрывают последние события своей жизни - то, что случилось с ними и не дает перейти дальше.

Мои руки тянутся к камере на шее, и зеркальная подвеска в руке звякает о металл корпуса. Звук эхом отдается в темноте.

Мои глаза привыкают к темноте, и я вижу, что здания вокруг парка нет, оно исчезло, стертое временем - если, конечно, оно уже было тогда построено, - или границами этого конкретного промежутка, кому бы из призраков он ни принадлежал.

Остается понять, в чью жизнь - или, скорее, смерть - мы попали.

Ночное небо светлеет, озаренное слабым оранжевым заревом.

- Ой, Кэсс! - ахает Джейкоб, глядя поверх моего плеча.

Я поворачиваюсь и замираю от удивления.

Жана Живодера там нет, зато есть дворец.

И он охвачен пожаром.

Глава третья

Значит, туман – это вовсе не туман, а дым.

Поднимается ветер, и огонь разгорается сильнее, вокруг темно от сажи. Я слышу крики, стук каретных колес по камням. Сквозь дым различаю несколько человек на лужайке, они смотрят на пожар.

Я подхожу ближе, поднимаю фотоаппарат и делаю снимок.

– Кэсс... – голос Джейкоба звучит глухо. Повернувшись к нему, я не вижу ничего кроме дыма.

– Джейкоб! – зову я, кашляя. Дым дерет горло, заползает в легкие. – Где...

На меня кто-то налетает. Я падаю на траву, мужчина роняет ведро, которое тащил. Оно катится по земле, разбрызгивая что-то черное, противное. И я сразу понимаю, что мы попали именно в его историю за Вуалью. Всё остальное здесь – лишь декорации, все остальные – всего лишь куклы, а в глазах этого мужчины, когда его взгляд падает на меня, я вижу огонь страдания.

Я неуклюже поднимаюсь на ноги, хочу поднять медальон, чтобы отправить призрака...

Но на моем запястье нет цепочки, и зеркальце не качается, как маятник...

Я верчу головой, всматриваясь в то место, где я упала – вот оно, зеркало, блеснуло в траве! Видно, соскользнуло. Только дотянуться до него я не успеваю. Призрак хватает меня за ворот, тащит к дереву. Я пытаюсь вывернуться из его рук – но, хотя он дух, а я нет, Вуаль уравнивает наши силы.

– Джейкоб! – кричу я. Мужчина злобно выкрикивает что-то по-французски. Что именно – загадка, но в его голосе такая злоба и ненависть, что и без слов все ясно. Вдруг он замирает, увидев камеру, которая болтается у меня на груди.

Нет, его привлек не фотоаппарат, с ужасом понимаю я. Нить. Голубовато-белое свечение моей жизни. Он тянет руку, а я отчаянно извиваюсь, вырываюсь из жадных рук...

– Эй! – раздается знакомый голос. Призрак оглядывается, а Джейкоб ловко нахлобучивает ему на голову ведро.

Человек шатается, смола течет по его лицу, и я, рванувшись, падаю. Оказавшись на свободе, я хватаю упавший медальон. Полуослепший призрак на ощупь бредет ко мне.

Я снова поднимаюсь на ноги, как щит выставив медальон перед собой.

Призрак внезапно останавливается, его внимание приковано к поверхности круглого зеркала.

Лара объяснила мне: зеркала отражают правду. Показывают призракам, каковы они на самом деле. Зеркало помогает заманить призрака в ловушку, но в нужное место его отправляют слова, заклинание. Всего неделю назад я и не знала, что такие слова существуют, ничего не знала о власти зеркал, о нитях жизни. А сейчас я стою перед призраком и... и вдруг понимаю, что в голове у меня пустота.

Я не могу вспомнить заклинание.

В панике пытаюсь вспомнить... Ничего.

И тогда Джейкоб, наклонившись, торопливо подсказывает мне на ухо:

– «Смотри и слушай...»

Уф! Я тут же все вспоминаю!

И снова обретаю дар речи.

– Смотри и слушай, – приказываю я призраку. – Узри и узнай. Вот что ты такое.

Вуаль вокруг идет волнами, призрак тает, становится все прозрачней, я уже могу видеть сквозь него. Вижу черную нить, свернувшуюся змейкой в его груди. Без света, без жизни.

Протянув руку, беру нить – последнее, что удерживает его здесь, в этом мире. Нить холодная и сухая, как опавшие осенние листья. Я выдергиваю нить, она хрустит в моих пальцах. И исчезает с ладони, как струйка дыма.

Вслед за ней исчезает призрак.

Растворяется, превращается в пепел, в дым. Ну, вот и все.

Джейкоб поеживается, но для меня это как глоток свежего воздуха. В эти секунды, сразу после того, как уходят призраки, я чувствую себя правильно.

То, что ты чувствуешь, – говорила Лара, – называется предназначением.

Дворец продолжает гореть. Я еле держусь на ногах, голова кружится – так на меня действует Вуаль.

Это предупреждение, что я слишком здесь задержалась.

– Идем! – Джейкоб берет меня за руку и тащит сквозь Вуаль. Когда занавес касается моей кожи, я вздрагиваю. На мгновение холод заполняет легкие, я снова погружаюсь в ледяную воду, а потом мы оказываемся на твердой почве. В парке шумно и светло, кругом праздничные огни, множество туристов, а воздух теплый, хотя уже вечер. Джейкоб опять стал прозрачным и полупрозрачным, а я снова плотная. Яркая лента моей жизни надежно укрыта за мышцами и костями.

– Спасибо, – благодарю я, все еще дрожа.

– Мы команда, – и Джейкоб протягивает руку. – Дай прозрачные пять.

Я делаю вид, что хлопаю его по руке своей пятерней, а он изображает звук шлепка. Но на этот раз, честное слово, я чувствую слабое прикосновение, что-то вроде пара, и только потом моя рука проходит насквозь. Я заглядываю Джейкобу в глаза, хочу понять, ощутил ли и он что-то необычное, но мой друг уже отвернулся.

– Ну, наконец-то! – когда я возвращаюсь к столу, мама протягивает мне последний кусочек крепа. – Пришлось спасти его от папы. Он чуть палец мне не откусил.

– Извините, – я развожу руками. – Очередь была длинная.

(Я не люблю врать родителям. Но когда я попыталась рассказать им правду о том, что случилось на шотландском кладбище, они мне не поверили. Так что теперь мое вранье кажется мне чуть-чуть менее ужасным.)

– Да-да, – хихикает Джейкоб. – Успокаивай себя, успокаивай.

Папа встает и отряхивает руки.

– Ну-с, дорогое семейство, – говорит он и обнимает меня за плечи. – Пожалуй, пора возвращаться.

Уже совсем стемнело, Вуаль снова льнет ко мне, зовет, тянет обратно. Ну, уж нет – пока мы идем обратно через сад Тюильри, я стараюсь не сходить с аллеи и держусь поближе к фонарям и к свету.

Глава четвертая

На следующее утро девушка, которая будет нас сопровождать, дожидается нас в salon (так здесь называют гостиную).

Она высокая и тоненькая, в зеленой блузке и светлой юбке кремового цвета. Лицо у нее в форме сердечка, высокие скулы, темные волосы собраны в сложный пучок. Она моложе, чем я ожидала – на вид ей чуть больше двадцати лет.

- Вы, должно быть, мадам Дешан, - говорит мама, протягивая руку.

- Прошу, - говорит девушка голосом, который кажется... шелковистым, - зовите меня Полин.

Из-за французского акцента все, что она говорит, звучит очень музыкально. Забавно - совсем недавно я думала то же самое про шотландский акцент. Но сейчас понимаю, что эти два акцента совсем разные. Как два вида музыки. Как баллада и колыбельная.

Папа что-то говорит по-французски, мама смеется, а мне вдруг становится одиноко, как будто они шутят, но не хотят, чтобы я поняла.

- Вы хорошо говорите по-французски, - замечает Полин, и папа смущается.

- Учил когда-то в колледже, - разводит он руками, - но успел подзабыть.

- Полин, - говорит мама, - это наша дочь, Кэссиди.

Джейкоб ворчит, сунув руки в карманы:

- Меня, конечно, представлять не обязательно...

- Enchantee, - произносит Полин, повернувшись ко мне. Взгляд у нее внимательный, изучающий. - Parlez-vous fran?ais?[1 - Очень приятно. Вы говорите по-французски? (франц.)]

Теперь моя очередь краснеть.

- Нет, извините. Я говорю только по-английски.

В последний год в школе я учила итальянский, но он мне очень, очень плохо дается. Я вообще не уверена, что мне когда-нибудь пригодится умение спросить по-итальянски, как пройти в библиотеку. По-французски я знаю только s'il vous pla?t («пожалуйста») и merci («спасибо»).

К нам подлетает официант, и Полин, обменявшись с ним несколькими фразами, приглашает нас к столу.

- Мы очень благодарны, что вы согласились быть нашим гидом, - говорит папа.

- Да, - медленно отвечает Полин, - это должно быть... интересно.

Она разглаживает блузку, как будто стряхивает с нее крошки.

- Скажите, - включается в разговор мама, - а вы верите в призраков?

Лицо Полин застывает.

- Нет! - быстро отвечает она. Ее слова звучат резко, как будто захлопнулась дверь, за которой находится то, чего не хотят видеть. - Извините. Это было невежливо. Я объясню: я здесь как представитель французского министерства культуры. Обычно я сопровождаю высокопоставленных лиц и специалистов, которые работают с историческими документами. Так что это для меня не совсем обычный случай. Но я парижанка. Я живу здесь всю жизнь. Я провожу вас, куда вы только захотите. Окажу любую помощь и содействие. Но я не могу сказать, что верю в привидения.

- И прекрасно, - успокаивает ее папа. - Меня интересует именно история. Верить - это по части моей жены.

Полин смотрит на меня.

- А ты, Кэссиди, - обращается она ко мне, - ты веришь?

Джейкоб высоко поднимает брови.

- Да, признайся нам, - поддразнивает он меня. - Что ты думаешь насчет привидений?

Я улыбаюсь и киваю Полин.

– Легко не верить в призраков, пока их не видишь. А когда увидишь, трудно не поверить.

Между идеальными бровями Полин появляется морщинка.

– Вероятно это так.

Официант возвращается с тремя малюсенькими чашечками черного кофе. В жизни таких не видела, они похожи на чашки из кукольного чайного сервиза, которым я играла, когда мне было лет пять.

– А это для мадемуазель, – официант протягивает мне кружку горячего какао, посыпанного тертым шоколадом.

Еще он ставит на стол корзинку с выпечкой. Я узнаю круассан – он в форме полумесяца, а вот спираль и квадратик – это что-то неизвестное. Осторожно беру квадратную булочку, откусываю и обнаруживаю, что внутри шоколадная начинка.

Париж заработал еще одно очко в моих глазах.

– Pain au chocolat[2 - Булочка с шоколадом (франц.)], – объясняет мама.

Какао такое густое и сладкое, а булочка такая шоколадная, что кружится голова. Дома мне даже засахаренные хлопья на завтрак не разрешают есть.

Джейкоб вздыхает.

– Я скучаю по сахару.

Что ж, мне больше достанется. Откусываю еще раз, крошки сыплются на стол.

Полин поворачивается ко входу в столовую, и ее взгляд теплеет.

– А вот и съемочная группа. Антон! – окликает она кого-то, вскакивая на ноги. – Аннет!

Антон и Аннет – брат и сестра. У них одинаковые каштановые волосы, острые подбородки и серо-голубые глаза. Но в остальном они словно тень одного человека в разное время дня: Антон длинный и тощий, Аннет низкая и плотная.

Полин целуется с каждым из них, по одному поцелую в каждую щеку, потом обращается к моим родителям:

– Если вы готовы, можем ехать. Начнем с катакомб.

– Да, – мама стряхивает сахарные крошки с коленей. – Привидения Парижа могут подождать.

– Что такое катакомбы? – спрашиваю я, когда мы выходим за дверь.

– Что-то вроде кладбища, – говорит папа.

– Как Грейфрайерс? – спрашиваю я, вспоминая холмистое кладбище в самом сердце Эдинбурга.

– Не совсем, – начинает он. – Это...

– Не порти сюрприз! – Мамины слова заставляют меня волноваться.

В мамином представлении сюрприз – не столько «С днем рождения!», сколько «Посмотри, какую кошмарную штуку я нашла на заднем дворе!».

– Наберись терпения, Кэсс, – продолжает она. – Парижские катакомбы – одно из самых знаменитых мест в мире.

– Хорошо хоть, что она ни слова не сказала о привидениях, – ноет Джейкоб, и тут мама продолжает:

– И, конечно, там полно привидений.

Джейкоб вздыхает.

– Почему я не удивлен?

* * *

Мы едем через весь город на метро и выходим на станции, которая называется «Данфер-Рошро».

На улице я вижу на каменной стене здания табличку «14» – это номер округа, в котором мы находимся. Я смотрю по сторонам, ищу кладбище, но вижу только обычные дома. И все-таки я знаю, что мы приближаемся, потому что тук-тук-тук призраков становится громче с каждым шагом.

Вокруг колышется Вуаль, я чувствую вибрацию под ногами: тяжелые удары доносятся откуда-то снизу. Места с привидениями не только зовут меня – они тащат меня, как рыбку на леске. Крючка нет, с другим концом меня соединяет только нить, тонкая, как паутинка, но прочная, как проволока.

Мои родители, Полин и телевизионщики останавливаются перед маленьким темно-зеленым павильоном. Скромный и неприметный, он похож на газетный киоск, и непонятно, какое отношение он имеет к месту, где хоронят мертвых. В нем поместится один или два гроба, не больше. Сначала мы даже думаем, что ошиблись, но тут я замечаю медную табличку.

ENTREE DES CATACOMBES[3 - Вход в катакомбы (франц.).]

– И только-то? – говорю я. – Я думала, они... больше.

– Ну конечно, больше, – папа достает один из своих путеводителей, показывает мне карту Парижа, а потом открывает следующую страницу.

Поверх схемы ложится прозрачный листок с красными стрелочками, и до меня постепенно доходит, что именно я вижу. А еще я понимаю, почему у меня были

такие странные ощущения.

Катакомбы – вовсе не этот зеленый павильон.

Они у нас под ногами. И судя по карте, они под ногами у многих. Целая сеть туннелей расходится под городом во все стороны.

Подойдя к двери, мы видим объявление о том, что сегодня катакомбы закрыты.

– Ой, как жалко, – фальшиво сокрушается Джейкоб. – Придется зайти в другой раз...

Но он умолкает при виде человека в форме службы безопасности, который отпирает дверь в зеленый павильон и приглашает нас войти.

Внутри – турникеты, как при входе на американские горки.

Мы стоим на верхней площадке винтовой лестницы, такой узкой, что спускаться можно только по одному. Лестничные пролеты резко уходят вглубь, исчезают в темноте. Туннели внизу как будто дышат, оттуда веет холодным затхлым воздухом. Вместе с ним выплескивается волна гнева, ужаса и отчаяния.

– Нет, ни за что! – трясет головой мой друг.

Скверное здесь место. Мы с Джейкобом оба это чувствуем.

Я неуверенно топчусь на месте, потому что Вуаль усиливает хватку и тянет меня вниз, но в глубине души я понимаю, что надо бы держаться отсюда подальше, а еще лучше – бежать со всех ног.

Мама оглядывается через плечо.

– Кэсс! Все в порядке?

– Просто скажи, что тебе очень страшно, – советует Джейкоб.

Но мне же не страшно, мысленно отвечаю я. То есть, страшно, конечно. Но одно дело просто бояться чего-то, и совсем другое – быть в ужасе. Кроме того, думаю я, вцепившись в фотоаппарат, у меня есть дело, и это я вовсе не об охоте за призраками. Родители попросили меня помочь. Я не хочу их подвести.

И я заставляю себя сделать шаг и встаю на верхнюю ступеньку.

– Просто кошмар, – тоскливо говорит Джейкоб, пока мы спускаемся все ниже, ниже и ниже в туннели под Парижем.

Глава пятая

Мне много раз снился один и тот же кошмарный сон.

Будто я заперта в комнате глубоко под землей. Комната стеклянная, так что со всех сторон я вижу землю.

Сон всегда повторялся в мельчайших деталях. Сначала мне было скучно, потом я начинала нервничать и, наконец, пугалась. Иногда я молотила кулаками по стенам, иногда замирала и сидела неподвижно, но каждый раз, что бы я ни делала, на стекле появлялась трещина.

Щель становилась все шире, бежала вверх по стене – к потолку, потом из нее на голову мне начинала сыпаться земля, потолок трещал, и я просыпалась.

Это было давно, и я много лет не вспоминала о своем кошмаре.

Но сейчас вспомнила.

Винтовая лестница закручена тугой спиралью, и впереди я вижу только один полный виток. И новые витки все появляются и появляются...

– А глубоко эти катакомбы? – спрашиваю я, стараясь, чтобы голос не дрогнул от страха.

– Этажей пять, – отвечает папа, и я невольно вспоминаю, что в отеле «Валёр» всего четыре этажа.

– Зачем было устраивать кладбище так глубоко под землей?

– Катакомбы не всегда служили местом захоронения, – объясняет папа. – До того, как стать оссуарием, это была просто каменоломня. Тут добывали камень для растущего города.

– А что такое оссуарий? – спрашиваю я.

– Место, где хранятся кости умерших людей.

Мы с Джейкобом переглядываемся.

– И отчего они все умерли?

– Тела перевезли сюда с других кладбищ, – объясняет Полин.

Перевезли. Значит, их выкопали.

– Ох, не нравится мне это, – снова начинает жаловаться Джейкоб. – Совсем не нравится.

Папа говорит:

– Сейчас в катакомбах хранятся останки более шести миллионов человек.

Я чуть не падаю со ступеней. Должно быть, я ослышалась.

– Это в три раза больше, чем все живое население Парижа, – жизнерадостно добавляет мама.

Кажется, меня тошнит. Джейкоб глядит исподлобья, будто хочет сказать: сама виновата.

Наконец, мы добираемся до самого низа, и Вуаль, как волна прилива, омывает мои ступни и тянет за собой. Я отталкиваю ее, стараясь удержаться на ногах. Джейкоб подходит ближе.

- Мы не будем здесь переходить. - В его голосе больше нет ни намека на шутку. - Слышишь, Кэсс? Не будем. Здесь. Переходить.

Мог бы и не говорить.

У меня нет ни малейшего желания узнать, что там, по другую сторону этой странной Вуали. Особенно, когда вижу то, что открывается перед нами. Я-то думала, что мы окажемся в просторном помещении, вроде гигантской пещеры со свисающими с потолка сталактитами. Или сталагмитами? Никак не запомню...

Но перед нами туннель.

Под ногами грубые камни и утоптанная земля, а стены выглядят так, словно их рыли вручную. С низкого потолка то и дело срываются капли воды. Тут везде темно, лишь кое-где горят электрические лампочки и вокруг них расплываются желтые озерца тусклого света.

- Хм, тут уютно, - замечает мама.

Я прерывисто вздыхаю. Чтобы отсюда выбраться, надо идти вперед, убеждаю я себя.

- А еще, ты не поверишь, можно вернуться на лестницу, - говорит Джейкоб.

Да ладно, думаю я. Где же твоя тяга к приключениям?

- Видимо, осталась наверху, - бурчит он.

Мама и папа идут впереди, и что-то рассказывают, глядя в камеру. Я оглядываюсь назад: Полин внимательно смотрит под ноги, чтобы не наступить в лужицу или в жидкую грязь между камнями.

- Я думала, костей будет больше, - шепчу я ей.

– Мы еще не дошли до гробницы, – объясняет Полин, и ее голос эхом отдается от низкого потолка. – Это пока только галереи. Остались от тех времен, когда у этих туннелей было не такое мрачное назначение.

Туннель вьется и поворачивает, иногда он достаточно широк для двоих, а иногда приходится идти по одному. Вуаль толкает меня в спину, как рукой, вынуждая идти быстрее.

– Знаешь, что хуже места, где водятся призраки? – спрашивает Джейкоб.

И что же?

– Место, откуда нельзя уйти, когда захочешь.

Еще неизвестно, есть ли здесь привидения, – я стараюсь думать это как можно увереннее.

– Как же им тут не быть? – возражает мой друг. – Ты что, забыла Джона Маккензи?

Это был один из шотландских призраков. Он начал бродить по кладбищу и являться людям после того, как вандалы потревожили его кости.

Но может, легенды врут, и он всегда был таким... беспокойным?

– Ага. А здесь все призраки дружелюбные и приветливые, – недовольно бурчит Джейкоб, передразнивая меня, – и просто отлично проводят здесь время.

Мама достает коробочку, на верхней панели которой горят огоньки. Измеритель ЭМП – прибор, которым измеряют колебания электромагнитных полей. Колебания, известные также под названием привидения. Мама включает прибор и водит вдоль стен, но он регистрирует только слабый фон.

Уф! Наконец мы добираемся до конца туннеля и попадаем в небольшой зал, где на стенах висят стеклянные витрины, как в музее. В них листы с текстом и фотографии, рассказывающие, как и почему появились катакомбы. Но мое

внимание притягивает дверь – проход с другой стороны.

Над ней каменная плита, на которой высечены французские слова.

ARR?TE! C'EST ICI

L'EMPIRE DE LA MORT.

– Остановись! – переводит папа, и его голос отражается от тесных каменных стен. – Здесь Царство смерти.

– И совсем не жутко, – бормочет Джейкоб. – И ничуть не зловеще.

– В 1700-е годы, – продолжает свой рассказ папа, обращаясь к камере, которую держит Аннет, – Париж оказался в сложном положении: количество умерших превысило число живых. Парижан негде стало хоронить, кладбища были заполнены и даже переполнены. Нужно было что-то предпринять. Вот тогда и началась переделка катакомб.

– Целых два года, – подхватывает мама, – ушло на то, чтобы переместить останки. Только вообразите эти ночные процессии – по улицам медленно катились телеги, доверху наполненные трупами. Прах шести миллионов человек был перенесен с мест их погребения в туннели под Парижем.

Я все никак не привыкну видеть родителей перед камерой. Это так странно! Они как будто преображаются. Нет, они не превращаются в других людей, просто становятся ярче, красочнее и отчетливее. Та же самая песня, только на другой громкости. Папа – настоящий ученый. Мама – образцовая мечтательница. Вместе «окультурологи» выглядят просто сногшибательно. Я фотографирую их, делаю несколько снимков, а папа тем временем продолжает.

– На протяжении десятилетий, – говорит он, – кости мертвецов просто валялись под ногами – прямо здесь, в этих туннелях. Останки сбрасывали сюда, и они

лежали грудями и кучами. Так продолжалось до тех пор, пока инженеру Луи-Этьену Эрикару не пришло в голову превратить эту братскую могилу в мавзолей и аккуратно разложить все кости. Это положило начало большим переменам, которые привели к появлению Империи смерти.

Мама взмахивает рукой, как шоумен, отдергивающий занавес.

- Приглашаю вас! Войдем же внутрь!

- Я, пожалуй, подожду здесь, - Джейкоб вдруг очень заинтересовался стеклянными витринами.

Как хочешь, думаю я.

Не оглядываясь, я бегу за съемочной группой. Я не могу слышать шаги Джейкоба, но точно знаю: он рядом, следует за мной по пятам, как тень.

Итак, мы вступаем в царство костей.

Глава шестая

Кости повсюду.

Они сложены штабелями, стены из скелетов поднимаются почти до самого свода. Из костей выложены узоры и формы - волна черепов на фундаменте из берцовых костей. Зловещие орнаменты, я вижу их повсюду. Со всех сторон тарачатся пустые глазницы черепов с широко раскрытыми челюстями. Некоторые кости сломаны, другие, как ни странно, кажутся совсем новенькими. Если прищуриться, перестаешь различать отдельные косточки и видишь просто узоры из чего-то серого, бежевого и темно-коричневого - и можно представить, что они каменные, а не костяные.

На стенах пляшут наши тени, я снимаю кадр за кадром, зная, что камера выхватит только то, что правильно, что реально. Правда, реальность сейчас выглядит очень странно. Странно, немного пугающе и почти прекрасно.

– И кошмарно, – подсказывает Джейкоб, – не забудь вставить «кошмарно».

Мы заходим за угол, и вдруг, как по команде, измеритель ЭМП в руках у мамы начинает трещать, потом тоненько завывать. Его писк, будто чей-то зов, эхом проносится по туннелям.

Мама вздрагивает и поспешно выключает прибор.

– Ну вот, – ее голос немного дрожит. – Думаю, это говорит само за себя.

Я поеживаюсь, чувствую себя неудобно. Даже Полин выглядит встревоженной.

– С чего это она вдруг разволновалась? – саркастически замечает Джейкоб. – Потому что спустилась на пять этажей под землю? Или потому, что тут тесно, как в гробу? Или... О, неужели из-за того, что вокруг нас кости шести миллионов человек?

Шесть миллионов – так много, что просто не укладывается в голове.

Двести семьдесят тоже много, но все-таки это можно представить себе. Двести семьдесят – столько костей у человека, когда он рождается. Потом, по мере того, как мы растем, некоторые косточки срастаются, так что у взрослых в скелете двести шесть костей (спасибо, уроки естествознания!).

Итак, если в катакомбах хранятся больше шести миллионов мертвецов, сколько же здесь костей?

Шесть миллионов умножить на двести шесть, будет... Уф, много. Слишком много, так много, что не поместится в объектив камеры. Только представьте: этих костей хватило, чтобы сложить стену в пять футов высотой, которая тянется в каждом из извилистых туннелей, тянущихся под Парижем. Империя смерти огромна, ее жители безымянны и безвестны.

Джейкоб начинает издавать какие-то звуки, и мне требуется целых тридцать секунд, чтобы сообразить: мой друг поет.

«...У скелета кости, кости, кости-косточки везде, у скелета кости, кости, кости-косточки везде...»

- С ума сошел? - шиплю я.

Джейкоб всплескивает руками.

- Просто пытаюсь ко всему относиться с юмором.

Мы продолжаем петлять по туннелям. Хорошо еще, что боковые проходы закрыты железными воротами, и перед нами не лабиринт, а только одна дорога. Потеряться здесь проще простого, думаю я.

- Видите линию вон там, наверху? - папа задает этот вопрос, обращаясь к видеокамерам, но и к нам тоже.

Я поднимаю голову и вижу на потолке жирную черную полосу.

- Раньше, когда здесь не было ни ворот, ни электрического света, это был единственный ориентир, позволявший не заблудиться.

Пытаюсь представить себе, что брожу тут без света, только с масляной лампой или свечой. По коже бегут мурашки. Оказаться в этом дивном месте в темноте - вот, пожалуй, единственное, что может сделать его еще более жутким.

К видеокамере поворачивается мама.

- За прошедшие годы, - говорит она, - в эти туннели спускались многие, кто в поисках убежища, кто из любопытства, и многие терялись в бесчисленных переходах. Некоторые так и не нашли выход. По крайней мере, пока были живы.

Вуаль тяжело ложится мне на плечи, подгоняя, настаивая, чтобы я поскорее перешла, но мне удается удержаться на месте. Я чувствую себя стеклянным ящиком из сна, мир давит на меня со всех сторон. Но я не поддаюсь.

Джейкоб определенно становится сильнее.

Может быть, и я тоже.

- Вон там, - папины слова отдаются эхом: - Там, там, там...

Кое-где на костяных стенах висят каменные таблички, на которых вырезаны изречения о жизни и смерти. Перед одной такой табличкой папа останавливается, и мы с Полин отступаем назад, чтобы наши тени не попали в кадр.

Я поворачиваю голову и едва сдерживаюсь, чтобы не завопить: мне померещилось, что один из черепов на меня смотрит - его пустые глазницы оказались прямо напротив моих глаз. Не успев разобраться, я вскидываю руку, чтобы отмахнуться от светлой, словно отбеленной кости, и...

В то же мгновение Вуаль взлетает к моим пальцам. Как только она касается меня, я слышу приглушенный звук голосов с той стороны, щемяще-печальных, одиноких, растерянных. Кто-то кричит и как будто зовет, я даже почти различаю слова. Я тянусь навстречу.

- Ау! - зовет голос из тьмы. Такой потерянный и одинокий...

Я озираюсь, но, кажется, больше никто его не слышит. Родители идут дальше, Полин смотрит прямо перед собой.

- Кэссиди, - шипит Джейкоб. - Не надо.

Моя рука куда-то проваливается, но я все еще ощущаю Вуаль, она скользит между пальцами, как шелк.

- ...s'il vous pla?t... - просачивается сквозь тени другой голос. Этот говорит по-французски. Он едва слышен и как будто молит о чем-то.

- ...никто не придет... - шепчет третий.

А потом четвертый:

- ПОМОГИТЕ!

Крик раздается так неожиданно и громко, что я отшатываюсь. Нога соскальзывает с камня, и я взмахиваю руками, пытаюсь удержаться. Вроде бы мне это удастся, но рука касается стены – и проваливается, не встретив сопротивления, как будто стена не из костей, а из тонкой ткани.

Нет, нет, нет, мысленно кричу я, а Вуаль расступается, и я падаю куда-то.

* * *

Короткий, резкий удар.

Пронизывающий холод.

Вкус ледяной воды.

Я падаю на четвереньки на холодный каменный пол.

Ладони пронзает боль. На шее маятником раскачивается моя камера.

В туннеле темно, я моргаю, помогая глазам поскорее привыкнуть к темноте. Пока единственный свет, который я вижу, исходит из моей груди. Синевато-белая спиралька светит ярко, но освещает только мою рубашку. Так что не быть мне человеком-фонарем. Самое большое – человеком-светлячком.

Я поднимаюсь на ноги и вытаскиваю из заднего кармана зеркало.

– Джейкоб! – окликаю я, но ответа нет.

Когда глаза наконец привыкают, я замечаю, что здесь есть и другой свет, тусклый и красный. Его источник находится где-то за углом. Как в моей домашней фотолаборатории, когда я проявляю пленку.

Я направляюсь к свету, но вдруг слышу тихий звук, похожий на шаги по песку или камням, и красный свет начинает удаляться.

– Эй! – окликаю я и прибавляю шаг. Но когда заворачиваю за угол, алый огонек уже не виден. Вместо него я нахожу на земле старинный фонарь. От него исходит неровный желтый свет, бросающий тени на кости и черепа, и кажется, что они усмеваются. Гримасничают. Ужасаются.

Я вдруг замечаю, что в туннеле очень тихо и очень пусто.

Но я же слышала призраков, разве нет? Где же они?

За моей спиной в темноте что-то или кто-то бесшумно движется. Но я это чувствую. Пальцы крепче сжимают медальон, я собираюсь с духом, чтобы обернуться, и вдруг слышу голос:

– Кэссиди!

Это Джейкоб. Я вздыхаю с облегчением и оглядываюсь. И вижу злое, очень сердитое лицо.

– Мы вроде договорились этого не делать, – он стоит, широко расставив ноги и скрестив руки на груди.

– Я и не собиралась, клянусь.

– Ладно, – говорит он. – Тогда давай убираться отсюда, пока ничего...

Снова звук, будто по каменному полу мимо нас прокатился камешек.

– Ты это слышал? – спрашиваю я.

– Может быть, кости оседают, – предполагает Джейкоб, – или это ветер.

Но здесь нет ветра, и мы оба знаем, что это были не кости, особенно когда слышим еще один звук – шаги, кто-то идет. Здесь еще кто-то есть. Я шагаю вперед, но Джейкоб хватается меня за руку.

– У нас же нет карты, – напоминает он.

Он прав. Место здесь соответствует этому же месту в промежутке. Один шаг здесь – то же, что шаг по другую сторону. Если мы уйдем слишком далеко от родителей и телеоператоров, я могу потеряться и в реальном мире. Могу остаться навсегда в этом лабиринте.

Вдруг откуда-то издалека доносится веселый молодой голос, он считает по-французски:

- Un... deux... trois...

- Нет! – Джейкоб хватается за руку. Тащит меня назад, уже почти дотянулся до занавеса.

- Подожди, – я пытаюсь освободить руку, а тот голос раздается снова. Но Джейкоб не ослабляет хватку.

- Слушай, – говорит он, – я все понимаю. Ты не можешь с собой справиться. Такова твоя природа или предназначение – называй, как хочешь. Тебе обязательно нужно заглянуть под кровать. Открыть шкаф. Сунуть нос за занавеску. Но включи мозги, Кэсс. Должно же у тебя быть хоть немного здравого смысла. Мы под землей, на глубине больше пятидесяти футов, а вокруг кости и только вот этот фонарь. Я официально напоминаю тебе о двадцать первом правиле дружбы и требую, да, требую, чтобы мы немедленно отсюда убрались. Вместе.

- Окей, – киваю я. – Уходим.

Джейкоб вздыхает с облегчением и хватается за занавес. Вуаль идет волнами, разделяется, я следую за ним. Но в последнюю секунду перед тем, как шагнуть за Вуаль, я оглядываюсь и – клянусь! – вижу, как вдоль стены туннеля движется тень, ее очертания светятся красным.

Вуаль исчезает, я падаю, ледяная вода в легких... а потом мир снова становится четким, а свет ярким. Я слышу, как съемочная группа убирает оборудование, по каменному полу цокают каблучки Полин... А вот и голоса родителей, они идут сюда.

Я все еще на коленях, и поспешно подношу к глазам видоискатель камеры. Делаю снимок – арка из черепов вокруг каменной плиты – в тот самый миг, когда из-за угла выбегает мама.

– Кэссиди, – выдыхает она и, обернувшись назад, кричит: – Я ее нашла!

Мне удастся улыбнуться.

– Я снимала тут немного, – мой голос подрагивает, ладони и колени в грязи. – Для шоу.

– Еще бы немного, Кэсс, и... – мрачно говорит Джейкоб. Он прислоняется к стене. Вернее, хочет прислониться. Но, едва коснувшись костей, отскакивает, вздрогнув от отвращения.

Мама внимательно смотрит на меня, потом кивает.

– Твоя увлеченность мне нравится, – она гладит меня по волосам, – но в следующий раз оставайся у нас на виду, ладно?

– Постараюсь, – говорю я, мама целует меня в макушку и помогает встать.

Идя за ней по туннелю, не могу удержаться, чтобы не оглядываться назад, в темноту. Мне все кажется, что я снова увижу там алый свет.

Часть вторая

Озорник

Глава седьмая

У вас когда-нибудь бывало чувство, что за вами следят?

Когда затылок как будто покалывает, и вы догадываетесь, что кто-то взглядом сверлит вам спину?

Мы поднимаемся вверх по лестнице, выходим из туннелей на улицы Парижа, а я все не могу избавиться от этого ощущения. То и дело оглядываюсь, уверенная, что увижу что-то или кого-то. И каждый раз мне кажется, что я чуть-чуть не успела. Зрение начинает играть со мной шутки, теперь уже каждая тень кажется мне живой. Каждое солнечное пятно превращается в подозрительную фигуру.

Я твержу себе, что это ничего не значит. Всего лишь последствия перехода, липкие, как паутина.

Самое время обедать, и мы садимся за стол в летнем кафе прямо посреди тротуара. Все мы, кажется, рады, что выбрались на свежий воздух. Мама и папа обсуждают место следующей съемки – Люксембургский сад, – а я заказываю что-то под названием «крок-месье». Мне приносят круассан с горячим сыром и ветчиной. Обжигающе-горячий сэндвич из круассана помогает согреться и окончательно справиться с ознобом после катакомб. Но все чаще я посматриваю на асфальт, вспоминая, что там внизу, прямо под ногами, город мертвых. Думаю, многие ходят по улицам, даже не подозревая, что в прямом смысле слова ходят по костям.

– Тебе очень плохо? – спрашивает Джейкоб.

Он стоит на солнце, и свет проходит сквозь него. Он присматривается к камню на бордюре, готовясь нанести по нему удар.

И вдруг ни с того ни с сего я вздрагиваю.

Как будто кто-то коснулся моей шеи холодной рукой. Единственное, на что у меня хватает выдержки – это не завопить от неожиданности. Я только со свистом втягиваю сквозь зубы воздух.

Мама бросает на меня взгляд, но не успевает спросить, в чем дело. Раздается громкий треск, и край тента, под которым мы сидим, отрывается.

- Кэссиди, берегись! - кричит Джейкоб.

Металлическая штукавина, державшая тент, летит в нашу сторону и вдребезги разбивает кувшин с водой, который стоит на столике прямо передо мной.

Я чудом успеваю отпрыгнуть, осколки стекла и брызги не задевают меня.

От неожиданности мама с папой вскрикивают, изумленная Полин вскакивает, прижимая руку к груди. Качая головами и быстро щебеча что-то по-французски, Антон и Аннет осматривают сломанную конструкцию и рваный угол тента.

К нам подбегает официант и, рассыпаясь в извинениях, убирает следы происшествия. Нас пересаживают за другой стол и изо всех сил стараются помочь поскорее забыть о случившемся.

Мама хлопчет, проверяет, не порезалась ли я. Я уверяю, что со мной все в полном порядке, хотя, честно говоря, у меня немного кружится голова. Невольно я все оглядываюсь на наш старый стол. Может, это и пустяк: криво закрепили тент или ткань старая и порвалась. Не повезло. Но как быть с тем холодным прикосновением, которое я почувствовала за миг до происшествия? Что это было? Предупреждение?

- Думаешь, ты стала экстрасенсом? - спрашивает Джейкоб.

Хоть я и уверена на девяносто процентов, что этот случай не из тех, с которыми имеют дело промежуточники, все равно отправляю Ларе сообщение.

Я: Эй.

Я: А у таких, как мы, есть какие-то другие способности?

Через пару секунд от Лары приходит ответ.

Лара: У некоторых развито предчувствие. Чем больше времени они проводят в промежутке, тем сильнее начинают чувствовать потусторонние силы.

Лара: А почему ты спрашиваешь?

Я отвечаю не сразу.

Я: Просто интересно :-)

Лара: :-<

Джейкоб заглядывает мне через плечо.

- Ха! - говорит он. - Этот смайл - прямо ее портрет.

* * *

Надо отдать французам должное: они просто повернуты на десертах.

По дороге к следующей съемочной площадке нам попадаются: магазинчики шоколада, четыре витрины с маленькими кексами, украшенными так замысловато, что они напоминают произведения скульптора, множество тележек с мороженым и бесчисленные витрины с маленькими круглыми и очень яркими пирожными. Они называются странно - макароны - и пахнут розой, карамелью, черникой и лавандой.

Мама покупает коробку макарон и протягивает мне одно, приятного солнечно-желтого цвета. Я пытаюсь сосредоточиться на пирожном и забыть о том, что

внутри у меня до сих пор все дрожит, а сердце колотится от тревоги.

Когда я надкусываю макарон, хрустящая лепешечка трескается, и внутри оказывается нежный крем с лимонным вкусом.

– Ты прямо как местная жительница, – говорит Полин. – Тебе нужно еще попробовать эскарго.

Мама с папой хохочут, и это меня жутко нервирует. Я начинаю приставать с расспросами, но мама, похлопав меня по плечу, только улыбается.

– Тебе лучше не знать.

А папа нагибается и шепчет мне прямо в ухо: «Улитки».

Очень надеюсь, что он шутит.

– Ну, вот мы и пришли, – объявляет мама. – Люксембургский сад.

– Почему вы так это называете? – ворчит Джейкоб. – Не думаю, что вы понимаете смысл этого слова.

В чем-то он прав. Этот сад выглядит так, как будто при его создании использовали сложнейшие математические формулы.

Ряды больших деревьев, подстриженных как по линейке, словно гигантские зеленые стены сходятся к огромному дворцу. Песчаные дорожки разрезают газоны на странные геометрические фигуры. По краям лужаек растут стриженные розовые кусты, и повсюду полно статуй. Трава такая короткая и ровная, что я так и вижу, как садовники, стоя на коленях, стригут ее маникюрными ножницами.

Мама сворачивает налево, на тенистую тропинку, мы следуем за ней. Под ногами скрипит утоптаный песок. Вдруг мама резко останавливается и, лукаво улыбнувшись, усаживается на скамейку.

– Хотите послушать историю? – спрашивает она тихо, а голос у нее такой вкрадчивый, что становится жутко.

И тут же мы все, как по команде, обступаем ее. У мамы всегда была особая власть над людьми. Такую рассказчицу, как она, все готовы слушать, вытянув шею.

Даже Полин не удастся скрыть интерес. Она слушает, а ее рука ползет к воротничку. Сегодня так уже было несколько раз. Может быть, нервный тик? – думаю я, хотя это странно. Она ведь сама сказала, что ни во что такое не верит, почему же тогда так нервничает?

Антон начал снимать, и когда мама снова начинает говорить, она обращается уже не только к нам, но и к невидимым зрителям.

– В один прекрасный вечер в 1925 году на такой же скамейке в Люксембургском саду сидел некий господин, – сделав паузу, мама похлопывает по скамейке рядом с собой. – Он сидел, радуясь книге и прекрасной погоде, и вдруг к нему подошел незнакомец в черном плаще и пригласил в свой дом на концерт. Приглашение было принято, и господин с книгой, следуя за человеком в черном, отправился к нему в гости. Вечеринка была уже в разгаре, и всю ночь они наслаждались музыкой, вином и прекрасной компанией.

Мама улыбается с видом заговорщицы и продолжает.

– Под утро наш господин отправился к себе домой, но вдруг заметил, что забыл в гостях зажигалку, и вернулся. В доме было темно, двери и окна заколочены наглухо. Сосед рассказал ему, что в этом доме действительно когда-то жил музыкант, но он умер больше двадцати лет назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Очень приятно. Вы говорите по-французски? (франц.)

2

Булочка с шоколадом (франц.).

3

Вход в катакомбы (франц.).

Купить: https://tn.knigapoisk.com/shvab_viktoriya/tunnel-iz-kostey

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)